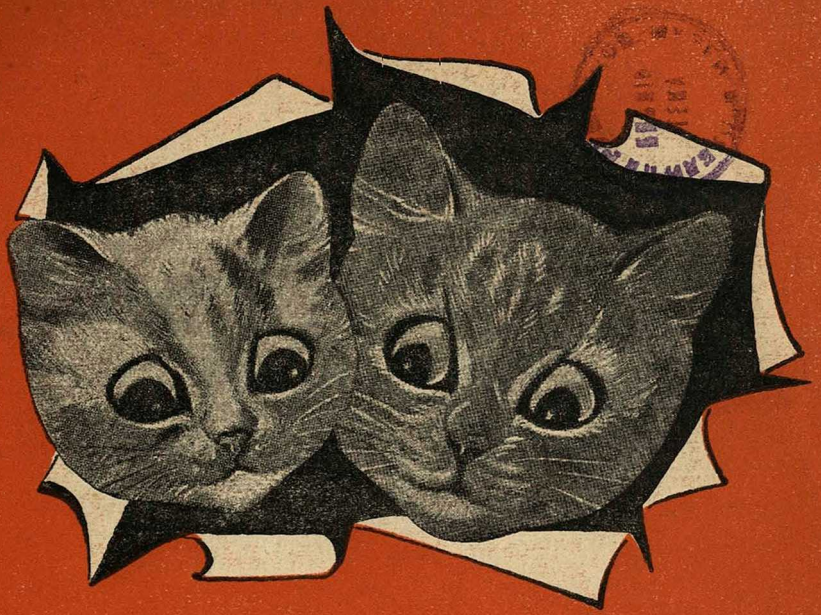

10
ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

ФЕВРАЛЬ.

№ 7.

1909.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ

СОДЕРЖАНІЕ:

МАЛЕНЬКІЙ ЛОСЬ.
ВЕСНА.
ЧУЖОЕ ИМЯ (романъ).
У БАБУШКИ (повѣсть).
ЛАБИРИНТЪ.
МИЛЫЙ МАЛЬЧИКЪ.
ШАРАДЫ, ГОЛОВОЛОМКИ
и проч.
ПЕРЕПИСКА.

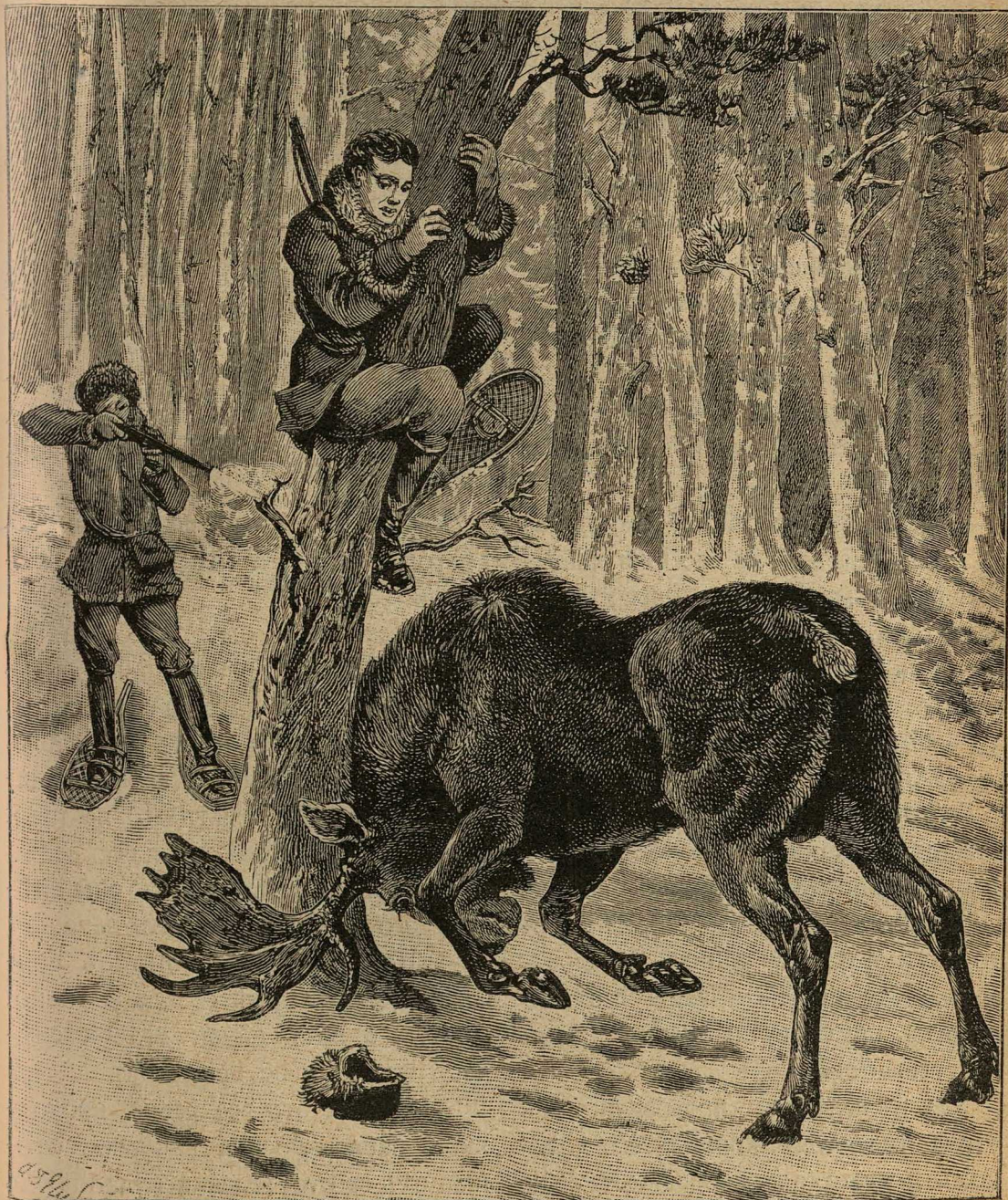
ПРИЛОЖЕНІЕ:

Мебель для склеиванія.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Лось подбѣжалъ къ дереву и со всего розмаха сталь ударять въ него лбомъ.

МАЛЕНЬКІЙ ЛОСЬ.

Григорій ходилъ въ лѣсъ и вернулся оттуда съ находкой. Онъ принесъ какого-то страннаго теленка. У теленка этого вовсе не было хвоста, были длинныя уши, высокія ноги съ раздвоенными копытцами и некрасивая, длинная морда съ толстой верхней губой. Папы не было дома и объяснить, что это за звѣрь, было некому. Мы собрались въ кухню и долго глядѣли на этого теленка и гладили его по спинѣ.

— Это маленькій осель, сказала кухарка Аксинья. — Вишь, какія у него уши!

— У осла копыта, какъ у лошади, — возразилъ ей на это Григорій. — Я знаю осла. Когда я служилъ въ солдатахъ, то у нашего командира барышня каталась на ослѣ. А у этого копыта, какъ у коровы!

— Стало быть его можно ѣсть, сказала Аксинья.

Григорій посмотрѣлъ на теленка и пожалъ плечами.

— По копытамъ словно-бы и можно, отвѣтилъ онъ, — а по мордѣ какъ-то жутко! Сроду такихъ не видывалъ. Иду по лѣсу, гляжу — а онъ лежитъ на снѣгу и только ушами подергиваетъ.

Мы цѣлый день провозились съ этимъ теленкомъ, кормили его молокомъ и уже стали воображать себѣ, какъ онъ у насъ вырастетъ и будетъ

ходить въ стадѣ, когда къ вечеру пріѣхалъ вдругъ папа. Мы потащили его въ кухню, гдѣ въ уголку по прежнему лежалъ нашъ незнакомецъ и глядѣлъ на все удивленными глазами.

— Тише, тише, дѣти... говорилъ папа. — Дайте хоть раздѣться-то съ дороги!

Придя въ кухню, папа нагнулся надъ теленкомъ и взялъ его за морду.

— Да это маленькій лось! воскликнулъ онъ. — Развѣ вы не видите, какая у него толстая, безобразная верхняя губа!

Затѣмъ онъ сталъ спрашивать Григорія, какъ и гдѣ онъ его нашель.

— Иду, стало быть, я сегодня по лѣсу, отвѣчалъ Григорій, — когда-жъ гляжу, а что-то на снѣгу чернѣетъ. Собака — не собака, волкъ — не волкъ. Я подошелъ поближе, а это теленокъ лежитъ. Я взялъ его на руки и принесъ домой. Вотъ и все.

— А не видалъ ты тамъ еще слѣдовъ его матери? спросилъ папа.

— Не догадался... отвѣтилъ Григорій. — Свои-то слѣды я, это точно, видѣлъ, а вотъ ейной матери слѣдовъ что-то и не примѣтилъ.

— Ну, да это все равно, продолжалъ папа. — Лосиха навѣрное отошла отъ своего теленка куда-нибудь недалеко, а въ это время явился Гри-

горій и поднятъ его. Лоси такъ любить своихъ дѣтенышей, что долго не забываютъ ихъ потери и долго еще бродятъ вокругъ того мѣста, стараясь напасть на ихъ слѣды. Я увѣренъ, что мать этого теленка догадается, гдѣ онъ, и завтра же подойдетъ къ самой нашей усадьбѣ. Только-бы ее не испугали собаки. Впрочемъ, лось вообще не изъ трусливаго десятка...

Папа вышелъ изъ кухни и пошелъ переодѣваться. Мы, дѣти, отправились въ столовую и усѣлись тамъ съ ногами на большой турецкій диванъ. Лакей Гаврила приготовилъ для папы приборъ и поставилъ для него кастрюльку съ борщомъ. Папа всегда любилъ ѣсть съ дороги борщъ. Мы уже обѣдали, но отъ борща такъ вкусно пахло, что намъ снова захотѣлось ѣсть.

— А хорошо-бы теперь покушать!.. сказалъ Митя и покрутилъ носомъ въ воздухѣ.

Я былъ согласенъ съ нимъ вполне, но беспокоить папу во время ѣды у насъ не полагалось.

Наконецъ пришелъ и папа. Онъ сѣлъ за столъ, повязался салфеткой и сталъ рассказывать мамѣ о своей поѣздкѣ. Затѣмъ онъ подозвалъ насъ къ себѣ, далъ мнѣ и Митѣ по ложкѣ борща и спросилъ:

— А чѣмъ вы этого маленькаго лося кормили?

— Молокомъ, отвѣтилъ я.

— Дайте ему еще и сѣнца. Лоси очень любятъ сѣно.

Мы побѣжали въ кухню и скоро нашъ лосенокъ сталъ весело жевать сѣно.

— Папа, а гдѣ лоси живутъ? спросилъ я у отца, когда мы возвратились опять въ столовую.

Папа пересѣлъ на турецкій диванъ и усадилъ насъ рядомъ съ собою.

— Лоси живутъ въ тихихъ, уединенныхъ лѣсахъ,—отвѣтилъ онъ,—богатыхъ оврагами и трясинами на днѣ этихъ овраговъ, вотъ точь въ точь въ такихъ лѣсахъ, какъ наши, съ листовными деревьями,—которыя они любятъ глотать. При этомъ необходимо, чтобы по сосѣдству съ такими лѣсами были и хвойные, потому что лоси укрываются въ нихъ отъ дождей и метелей. Вообще эти животныя любятъ тишину, такія мѣста, гдѣ не было-бы слышно свистковъ локомотивовъ и собачьяго лая. Въ такихъ мѣстахъ лось все время бродитъ, начиная съ четырехъ часовъ дня, весь вечеръ, всю ночь и вплоть до самаго утра. Питается онъ листьями, а зимой обгладываетъ кору съ деревьевъ и близко подходитъ къ стогамъ сѣна, оставленнымъ съ лѣта въ лѣсу или на лугахъ. Бѣжать лось долго не можетъ, но скорымъ шагомъ можетъ пройти, не уставая, свыше тридцати верстъ подрядъ. Лось большой мастеръ плавать. Онъ не только идетъ въ воду по необходимости, но и просто любитъ въ ней купаться. Если его преслѣдуютъ, если онъ испугается чего-нибудь, то онъ бросается бѣжать и тутъ уже не

останавливается ни передъ лѣсной чащей, ни передъ оврагами. Онъ въ такихъ случаяхъ идетъ напроломъ и все время прислушивается, такъ какъ слышитъ лось превосходно, но видитъ и чувствуетъ плохо. Вотъ почему нашему Григорію и удалось поднятъ на снѣгу теленка: вѣроятно онъ подошелъ къ нему очень тихо, такъ что его не услышала лосиха, находившаяся гдѣ-нибудь по близости, а почуять его или увидѣть она не могла. А можетъ быть она его и видѣла, но такъ какъ вообще лоси очень мало пугливы, то она и не обратила на него вниманія.

— А что если-бы она догнала Григорія?—спросилъ я.

— О, тогда нашему Григорію досталось-бы на орѣхи! воскликнулъ папа.—Лось совершенно безопасенъ, если его не трогаютъ. Но если его побезпокоятъ, то онъ начинаетъ бросаться и не отстаетъ до тѣхъ поръ, пока самъ не осилитъ или его не осилитъ самого. Мой отецъ рассказывалъ мнѣ, что однажды онъ отправился съ нашимъ княземъ Овчиннымъ на охоту. Долго они бродили, отецъ разстрѣлялъ всѣ свои патроны и вдругъ неожиданно встрѣтился съ лосемъ. Пустивъ въ него послѣдній зарядъ, онъ промахнулся и видя, что лось бросился на него наступать, со всѣхъ ногъ пустился отъ него убѣгать. Но лось слѣдовалъ за нимъ по пятамъ и было два или три такихъ момента, когда отецъ мой находился на волосокъ отъ

смерти. Если-бы онъ оступился и упалъ, то лось тотчасъ-же его забодаль-бы на смерть. Видя неминуемую опасность, отецъ выскочилъ на полянку, на которой росло одинокое дерево, и сталъ взлѣзать на это дерево. Каково-же было его удивленіе и отчаяніе, когда лось, подбѣжавъ къ дереву, со всего размаха сталъ ударять въ него лбомъ, стараясь свалить его вмѣстѣ съ моимъ отцомъ. Князь Овчининъ былъ гдѣ-то далеко и моему отцу приходилось плохо. Вотъ-вотъ лось повалитъ дерево или стряхнетъ съ него вашего дѣдушку. Тогда отецъ сталъ кричать и призывать на помощь. Не знаю, чѣмъ-бы кончилась вся эта исторія, если-бы не явился вдругъ князь Овчининъ и не выручилъ моего отца. Въ особенности яростно лосиха защищаетъ своего дѣтеньша, даже и тогда, когда онъ убитъ, а если онъ похищенъ, то она долго бродитъ и ищетъ его по разнымъ мѣстамъ.

— Значитъ, и этого лосѣнка отыскиваетъ сейчасъ мать? спросилъ мой братъ.

— Обязательно, продолжалъ папа.—Я увѣренъ, что она ходитъ сейчасъ недалеко отъ нашей усадьбы и все прислушивается, не услышитъ-ли голосъ своего пропавшаго дѣтеньша.

Затѣмъ папа всталъ и вышелъ въ кухню. Мы послѣдовали за нимъ.

— Куда-же намъ его теперь дѣтъ?—сказалъ онъ, погладивъ лосѣнка между ушей.

— Съѣсть, и все тутъ! отвѣтила кухарка.—Чего сънимъ хороводиться?

— Нѣтъ, жаль... сказалъ папа.— Вѣдь лоси, пойманные въ молодости, становятся ручными: они бѣгутъ на зовъ, а въ Швеціи даже ѣздятъ на нихъ на саняхъ. Вотъ что, Аксинья. скажи-ка ты Григорію, чтобы онъ помѣстилъ его въ курячій дворъ,— пусть себѣ онъ ходитъ тамъ въ загородкѣ вмѣстѣ съ курами! Впрочемъ, нѣтъ... раздумалъ папа.— Лоси очень хорошо прыгаютъ... Безъ всякаго разбѣга, прямо съ мѣста, лось перепрыгиваетъ черезъ заборъ въ три аршина вышиною... Пусть лучше Григорій помѣститъ его въ коровникъ!

Аксинья вышла, вслѣдъ затѣмъ въ кухню вошелъ Григорій, взялъ лосѣнка на руки и вышелъ съ нимъ изъ кухни.

На слѣдующій день, едва вставъ съ постели, я тотчасъ-же побѣжалъ на скотный дворъ повидаться съ лосѣнкомъ. Онъ бодро ходилъ по коровнику и чувствовалъ себя повидимому отлично. Какъ вдругъ лай собакъ заставилъ меня вздрогнуть. Я выскочилъ изъ коровника и поглядѣлъ туда, гдѣ лаяли собоки. Что-то большое, темное мелькало по ту сторону забора и стучало рогами о колья рѣшотки. Лошадь не лошадь, корова не корова. Я бросился туда и вдругъ увидалъ старую лосиху.

— Вернись! Вернись! закричалъ мнѣ отецъ, увидавшій изъ окна всю эту сцену и выбѣжавшій безъ шапки на дворъ.—Это она пришла за своимъ лосѣнкомъ. Если она догадается, что

онъ здѣсь, то она выломаетъ заборъ и можетъ тебя обидѣть!

Я вспомнилъ исторію моего дѣдушки, рассказанную папой, и со всѣхъ ногъ пустился бѣжать къ дому. У забора по-прежнему мелькала старая лось и собаки съ яростью лаяли по эту сторону рѣшотки.

Тогда папа побѣжалъ въ коровникъ, вынесъ оттуда маленькаго лосѣнка, побѣжалъ съ нимъ къ калиткѣ забора и выбросилъ его изъ усадьбы вонъ.

Мы видѣли, какъ старая лосиха подошла къ своему дѣтенышу, обнюхала его со всѣхъ сторонъ и какъ вслѣдъ затѣмъ оба они бросились бѣжать отъ усадьбы въ лѣсъ. Собаки лаяли такъ, что нельзя было слышать, мычали они отъ радости, или нѣтъ.

— Ну, слава Богу, что такъ случилось... — сказалъ отецъ, возвращаясь домой.—А я уже испугался было за тебя; вотъ, думаю, ты близко подойдешь къ лосихѣ, да еще съ ея теленкомъ.

Я стоялъ у крыльца, глядѣлъ въ ту сторону, куда скрылись лоси, и мнѣ было жаль, что у насъ уже нѣтъ больше маленькаго лося.

— Тоже мать вѣдь... слышался вдругъ голосъ Аксиньи, вышедшей изъ кухни.—Всякой матери свое дитя жалко!..

И мнѣ стало жаль лосиху, что цѣлыя сутки она оставалась безъ дѣтеныша и искала его, тогда какъ онъ былъ у насъ.

С. Вершининъ.

ВЕСНА.

Ужъ прозелень въ лѣсу сквозить
И ярко травка зеленѣетъ,
А солнце на небѣ блеситъ,
Тепло лучами землю грѣетъ.

Высоко въ небѣ журавли
Съ веселымъ крикомъ пролетѣли;
За ними ласточки толпой
На сѣверъ милый подоспѣли. —

И съ ними ярче солнца блескъ,
И небо шире и яснѣе;
Подъ пѣсни птицъ, зеленый шумъ
И на землѣ жить веселѣе!..

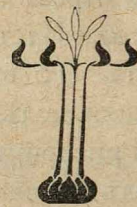
Ив. Бѣлоусовъ.

ЧУЖОЕ ИМЯ.

Романъ ¹⁾.

(Продолженіе).

IX.

Когда Ваграмъ пришелъ окончатель-
но въ себя, старичка возлѣ него не
было. Экипажъ стоялъ у другой придо-
рожной гостинницы; рядъ длинныхъ,
узкихъ телѣгъ, нагруженныхъ ящика-
ми и запряженныхъ лошадьми съ мно-
жествомъ мѣдныхъ бляхъ на сбруѣ,
тоже остановился кормиться. И этотъ
обозъ шель изъ Швейцаріи. Когда
Ваграмъ потянулся, расправилъ чле-
ны, стряхнулъ свою сонливость, бы-
стро пробѣжавшись назадъ и впередъ
по свѣжому воздуху, обозъ двинулся
и потянулся мимо него.

— Чей это обозъ? спросилъ Ва-
грамъ.

— Дюфренье! отвѣчали возчи-
ки.— Веземъ шампанское въ Парижъ.
— А дома самъ г-нъ Дюфренье?
— Никакъ нѣтъ, только вчера
уѣхалъ въ Миланъ.

Это было ударомъ для Ваграма.
Онъ ѣхалъ въ Невшателъ уже столь-
ко сутокъ и только для того, чтобы
не застать Дюфренье дома!

Но дѣлать было нечего и надо бы-
ло продолжать свой путь. Авось Дю-
френье оставилъ о себѣ какія-нибудь
свѣдѣнія въ своей конторѣ въ Нев-
шателѣ или же приказалъ кому ни-
будь изъ своихъ служащихъ пере-
говорить съ Ваграмомъ о дѣлѣ.

¹⁾ Собственность «Золотого Дѣтства».

Вскорѣ явился старичокъ. Онъ гулялъ гдѣ-то по снѣжной дорогѣ и теперь былъ весь окутанъ башлыкомъ отъ вѣтра, такъ что изъ-подъ него виднѣлись только его темныя очки и большая сѣдая борода.

— Сейчасъ я разговаривалъ съ возчиками, обратился къ нему Ваграмъ.—Кажется, мы напрасно проѣхались!

— Какъ напрасно? удивился старичокъ.

— Да возчики говорятъ, что Дюфренъ, къ которому я ѣду въ Невшатель, только вчера уѣхалъ въ Миланъ.

— Это жаль, сказалъ старичокъ. Ваграмъ помялся.

— Вы простите меня, сказалъ онъ.—Я былъ ни на что не похожъ весь день сегодня. Право, не знаю, что со мной и было!

— Вѣроятно, простудились или устали, отвѣтилъ ему старичокъ.— Это бываетъ. Такъ какъ же вы думаете теперь поступить?

— Ѣхать въ Невшатель, а если понадобится, то и дальше.

— Какъ такъ?

— Да такъ, черезъ Альпы и пѣшкомъ прямо въ Миланъ!

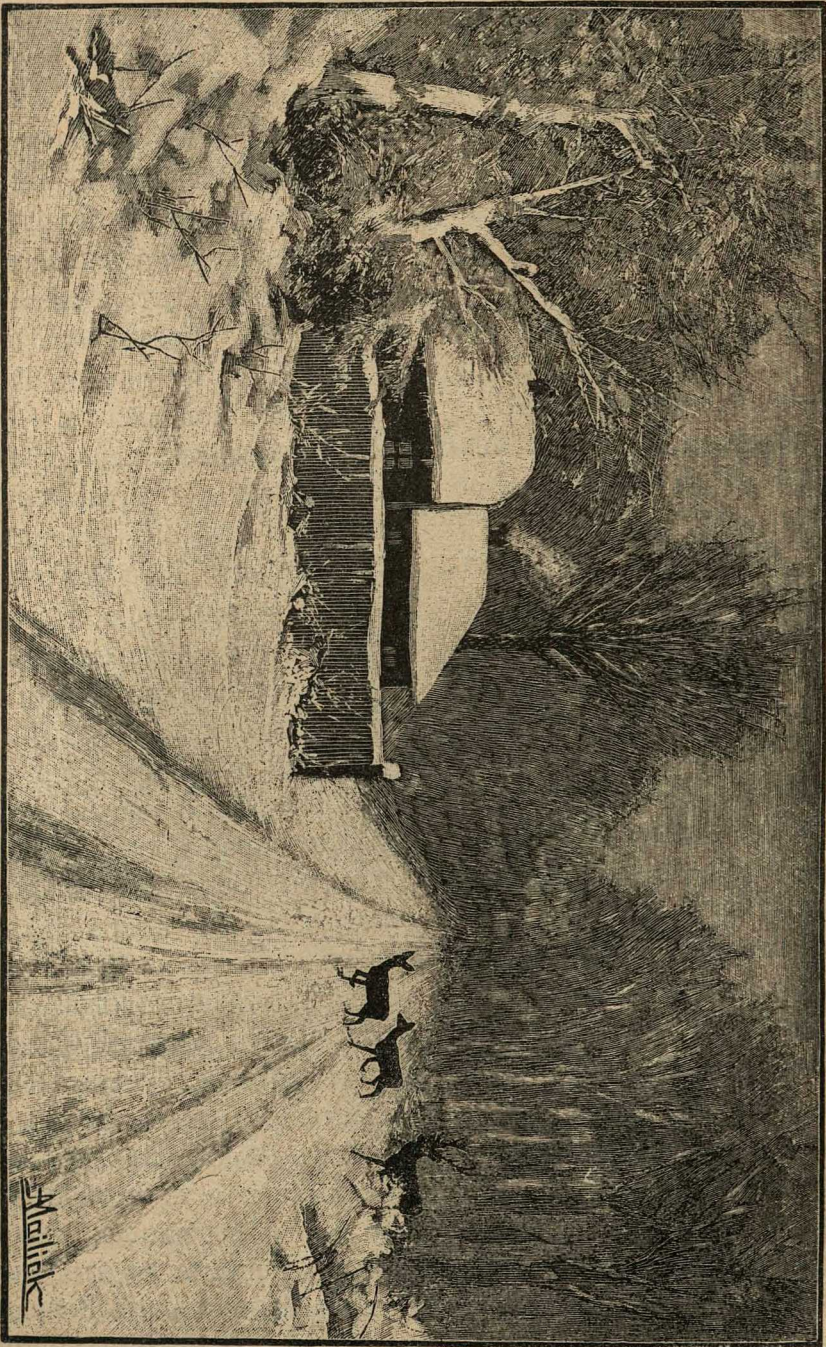
Старичокъ въ удивленіи посмотрѣлъ на Ваграма.

— Я взялся за такое серьезное дѣло, сказалъ Ваграмъ,—что малѣйшее промедленіе можетъ повлечь за собою очень печальныя послѣдствія. Ничто не заставитъ меня отступить и вернуться назадъ!

— Ничто! воскликнулъ старичокъ и протянулъ Ваграму руку.—Люблю храбрецовъ и рѣшительныхъ людей! Въ такомъ случаѣ и я отправлюсь вмѣстѣ съ вами!

Затѣмъ они ѣхали всю ночь напролетъ. Шелъ снѣгъ, мѣстами подтаяло и они ѣхали большею частью тропинками, безпрестанно останавливаясь, чтобы дать лошадямъ перевести духъ. Черезъ часъ послѣ разсвѣта они были уже въ Невшатель.

Они остановились въ гостинницѣ, наскоро умылись, переодѣлись и Ваграмъ одинъ отправился къ Дюфренъ. Тамъ онъ нашелъ письмо, въ которомъ Дюфренъ сообщалъ ему, что возвратится обратно въ Невшатель только черезъ двѣнадцать дней, и просилъ его извинить и, если можно, подождать. Но Ваграму дорога была каждая минута, такъ какъ въ Лондонѣ вся торговля оставалась безъ хозяина, и онъ рѣшилъ немедленно-же отправиться въ Миланъ, благо туда-же ѣдетъ и старичокъ. Теперь оставалось рѣшить только вопросъ, какой дорогой они проберутся черезъ Альпы? Была зима, въ горахъ стояли бураны и метели и существовало только двѣ дороги—это Сень-Готтардскій и Симплонскій проходы, но о состояніи ихъ говорили такія небылицы, что даже и храбрецъ никогда не отваживался-бы черезъ нихъ проходить. Ваграмъ зналъ, что въ теченіе какого-нибудь часа одинъ или два обвала снѣга могутъ совершенно измѣнить состояніе до-

Въ деревушкѣхъ Якут.

Секретъ.

рогъ, если-бы даже рассказы о нихъ были и не вѣрны. Тѣмъ не менѣе дорога черезъ Симплонъ казалась менѣе рискованной и Ваграмъ рѣшился ѣхать черезъ Симплонъ.

И онъ нанялъ лошадей и вмѣстѣ со старичкомъ отправился въ Миланъ, Женева, Лозанна, Монтрѣ, Веве—промелькнули передъ ними въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и, миновавъ мрачный Шильонскій замокъ, они въѣхали въ Ронское ущелье и поскакали вдоль извилистой рѣки Роны. Женевское озеро осталось за ними позади. Колеса стучали весь день, никакая переменна погоды не разнообразила пути и въ воздухѣ было морозно. Они видѣли очертанія громадныхъ Алапійскихъ горъ на темно-желтомъ небѣ; болѣе близкія и низкія вершины сверкали снѣгами, окрестныя деревушки казались стадомъ куръ, прижавшихся къ откосамъ горъ.

Они пріѣхали наконецъ въ маленькій городишко Бригъ, находящійся у самаго подножія Симплона. Пріѣхали въ сумеркахъ и, несмотря на это, замѣтили, какимъ ничтожествомъ казались люди передъ гигантскими горами, высившимися надъ ними. Тутъ они переночуютъ. Въ гостинницѣ оказался пылающій очагъ и лампы, и обѣдъ, и вино, и бесѣды съ извощиками и проводниками. Никто не былъ въ горахъ въ эти четыре дня. Снѣгъ въ горахъ былъ слишкомъ рыхлъ для колесной ѣзды и недостаточно твердъ для саней. Въ небѣ тоже было много снѣгу. Если

онъ до сихъ поръ еще не выпалъ, значитъ, навѣрное выпадетъ теперь, иначе давно-бы уже свѣтило солнце. Черезъ горы проѣзда нѣтъ. Можно попробовать только пѣшкомъ и то съ лучшимъ проводникомъ, съ условіемъ, что если снѣгъ окажется глубокимъ, то придется вернуться назадъ.

— Какіе трусы! съ досадою сказали Ваграмъ, обратившись къ старичку, который молча курилъ у очага свою трубку.—Все такъ-же, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, когда я былъ здѣсь еще малышомъ, страшатъ и торгуются, а что собственно намъ съ вами нужно? Каждому по ранцу и по крѣпкой палкѣ. Никакого проводника намъ не нужно. Мы оставимъ здѣсь наши чемоданы и отправимся налегкѣ. Вѣдь намъ съ вами горы не въ диковинку. Пускай эти господа торгуются съ кѣмъ-нибудь другимъ, а намъ ихъ запугиванья не страшны! Все это дѣлается только для того, чтобы вытянуть побольше денегъ!

Они собрали свои ранцы, купили себѣ по палкѣ и на зарѣ отправились въ путь. Половина города собралась поглядѣть на ихъ отправку. Народъ разговаривалъ и шушукался группами, возчики и проводники шептались тоже и посматривали на небо.

Никто не пожелалъ имъ счастливаго пути.

Когда они стали подниматься, солнечный лучъ сверкнулъ имъ изъ туманнаго неба и на одинъ моментъ посеребрилъ свинцовыя крыши города.

— Хорошее предзнаменованіе! сказалъ Ваграмъ.—Можетъ быть, нашему примѣру послѣдуютъ и другіе!

— Нѣтъ, за нами не пойдутъ! отвѣчалъ старичокъ, какъ-то странно опять сверкнувъ глазами.— Мы будемъ въ горахъ одни, совершенно одни!

Х.

Дорога въ общемъ была недурна и по мѣрѣ того, какъ Ваграмъ и старичокъ поднимались, воздухъ становился все легче и легче. Но туманъ наверху, стоявшій непоколебимо во всѣ послѣдніе дни, все еще не трогался. Надъ туманомъ висѣла тяжелая туча и эта туча заволакивала собою всѣ вершины горъ.

Хотя было сумрачно, но было ясно видно все. Внизу, по Ронской долины, позади ихъ, можно было прослѣдить рѣку во всѣхъ ея извилинахъ. Далеко впереди нихъ и надъ ними нависали снѣжные лавины и ледники, почти касавшіеся тѣхъ мѣстъ, по которымъ имъ предстояло еще идти. Справа, глубоко и темно подъ ними зіяла страшная бездна и на днѣ ея ревѣлъ потокъ. Чудовищныя горы обступали ихъ со всѣхъ сторонъ.

По мѣрѣ того, какъ они поднимались, дорога становилась все суровѣе и труднѣе. Но Ваграмъ становился все бодрѣе и храбрѣе, всякій разъ какъ они преодолѣвали какую-нибудь крутизну или счастливо миновали какое-нибудь опасное мѣсто. Старичокъ все время молчалъ и бодро

слѣдовалъ за Ваграмомъ. Только горцы могли такъ безстрашно и умѣло ходить по горамъ.

— Мы перейдемъ сегодня черезъ Альпы?—спросилъ Ваграмъ,

— Нѣтъ,—отвѣтилъ старичокъ.— Видите, какъ здѣсь снѣгъ сталъ глубже, чѣмъ за версту ниже. Чѣмъ выше, тѣмъ снѣгъ будетъ все глубже и глубже. А мы и теперь уже идемъ съ трудомъ. А дни такъ коротки! Хорошо, если мы успѣемъ добраться до пятаго привала и переночевать въ монастырскомъ пріютѣ!

— А нѣтъ опасности, что ночью поднимется буря?—спросилъ тревожно Ваграмъ.—Тогда, пожалуй, насъ занесетъ снѣгомъ!

— Опасностей вокругъ насъ такъ много,—сказалъ старичокъ, внимательно поглядывая внизъ и вверхъ,— что лучше о нихъ до поры до времени не говорить. Вы слышали о Гантеровомъ мостѣ?

— Я даже переходилъ черезъ него когда-то.

— Лѣтомъ?

— Да, въ іюль.

— Да; но въ февралѣ это совсѣмъ другое дѣло,—сказалъ старичокъ съ недоброй усмѣшкой.—Вы, господа праздные путешественники, даже и понятія не имѣете, что такое Альпы въ такую пору, въ такую погоду!

— Какъ нибудь доберемся!—весело отвѣтилъ Ваграмъ.

— Я вашъ проводникъ и во чтобы то ни стало доведу васъ до конца вашего путешествія. Но вотъ и мостъ!

Они повернули въ печальный и мрачный оврагъ, гдѣ снѣгъ лежалъ глубоко подъ ними, глубоко надъ ними и глубоко по сторонамъ. Старичокъ указывалъ на мостъ и смотрѣлъ на Ваграма съ страннымъ выраженіемъ лица.

— Тише!.. сказалъ онъ.—Какъ можно тише!.. Старайтесь говорить шопотомъ!..

— А что? зашепталъ и Ваграмъ.

— Вы видите всю эту массу снѣга, нависшаго надъ нами съ горъ. Если только вы крикнете неосторожно или скажете громко, то отъ вашего голоса задрожитъ воздухъ и весь этотъ снѣгъ сорвется на васъ и схоронитъ васъ глубоко. Смотрите же, малѣйшая ваша неосторожность можетъ погубить и меня. Пойдемте!

На мосту было навалено много снѣга и такія огромныя глыбы его нависли надъ нимъ съ выступающихъ скалъ, что имъ приходилось пролагать себѣ путь сквозь снѣговую массу. Искусно владѣя палкой, то взглядывая вверхъ, то сгибаясь и наклоняясь, старичокъ осторожно и медленно шелъ впередъ. Ваграмъ шелъ за нимъ слѣдомъ. Они были уже на серединѣ своего пути, какъ вдругъ послышалось тяжелое паденіе и вслѣдъ затѣмъ раздался ударъ грома. Старичокъ зажалъ Ваграму ротъ рукой, чтобы онъ не вскрикнулъ отъ испуга, и указалъ на дорогу позади ихъ. Видъ ея мгновенно измѣнился. На нее обрушилась лавина, пронеслась по ней и потонула въ потокѣ на днѣ оврага.

Неподалеку отъ грознаго моста стояла уединенная маленькая гостиница. Ихъ появленіе въ ней вызвало не мало удивленія и восклицаній въ людяхъ, сидѣвшихъ дома взаперти.

— Мы зашли только отдохнуть немного, сказалъ старичокъ, стряхивая съ себя снѣгъ передъ горѣвшимъ очагомъ.—Этому господину непременно нужно перейти черезъ горы безотлагательно сегодня.

— Да, сказалъ и Ваграмъ, мнѣ нужно быть по ту сторону горъ во что бы то ни стало сегодня.

— Вы слышите, земляки? продолжалъ старичокъ.—Дайте же намъ поѣсть и попить.

И они поѣли и попили и снова отправились въ путь. Когда смерклось, опасности дороги стали увеличиваться все болѣе и болѣе, съ каждымъ шагомъ все кругомъ становилось ужаснѣе и труднѣе и наконецъ къ вечеру они добрались до монастыря.

— Монахи! обратился къ его обитателямъ старичокъ.—Этому господину непременно нужно перейти черезъ горы безотлагательно сегодня. Поэтому не задерживайте насъ ненужными толками, дайте намъ попить, поѣсть и укажите намъ постели.

Они поѣли, попили, легли отдохнуть, но уже въ три часа ночи были на ногахъ. И опять на суровый холодъ ночи, на то же страшное томительное безмолвіе горъ. Опять на зарѣ ни одного солнечнаго луча, чтобы позолотить или окрасить снѣгъ.

То же безконечное пространство снѣжной мертвенной бѣлизны, тотъ же неподвижный воздухъ, то же однообразно - тусклое просвѣчиваніе неба.

— Странники! сказалъ имъ съ порога привѣтливымъ, дружескимъ голосомъ монахъ.—Если вы не хотите остаться съ нами, если вы такіе безумцы, что пускаетесь въ путь, то помните! На опасномъ пути передъ вами есть пять убѣжищъ, одно возлѣ другого. Пять часовенъ, деревянный крестъ и затѣмъ слѣдующій сосѣдній монастырь. Странники! Не сбивайтесь съ пути! Если начнется выюга, не медля укрывайтесь въ часовню!

Ваграмъ и старичокъ разложили по своимъ ранцамъ всѣ тѣ съѣстные припасы, которыми имъ удалось запастись въ монастырѣ и которые они сочли необходимымъ взять съ собою. Старичокъ взялся нести вино, которымъ они должны были согрѣваться въ пути, а Ваграмъ,—хлѣбъ, мясо и сыръ.

Они неутомимо шли по снѣгу, теперь доходившему уже до колѣнъ на дорогѣ, а вокругъ—Богъ вѣсть на какую глубину,—они мужественно преодолевали всѣ препятствія, какъ вдругъ началъ перепадать снѣгъ. Сперва тихо и медленно спускалось нѣсколько снѣжинокъ. Немного погодя, снѣжинки стали падать все чаще и гуще, потомъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, закружились винтомъ. Почти мгновенно вслѣдъ за этой перемѣной съ ревомъ поднялся ледяной вихрь. И всѣ звуки и силы,

скованные и дремавшіе до сихъ поръ, ринулись на просторъ.

Вдалекѣ виднѣлась крытая галерея на крѣпкихъ толстыхъ сводахъ, сдѣланная на случай снѣжнаго обвала на дорогу. Ваграмъ и старичокъ бросились туда. Буря неистово металась и ревѣла. Гулъ вѣтра, грохотъ срывающихся скалъ и снѣжныхъ лавинъ, страшные голоса эхо, мракъ ночи, выюга, вздымавшая снѣгъ,—все это на краю глубокой бездны, гдѣ находились путники, заледенило-бы ихъ кровь, если-бъ она и безъ того не застыла въ нихъ подъ сильнымъ вѣтромъ, подъ снѣжнымъ вихремъ и ледянымъ градомъ.

Старичокъ молча взадъ и впередъ ходилъ по галлерей и знаками попросилъ Ваграма помочь ему растегнуть его ранецъ. Они видѣли другъ друга, но не слышали. Ваграмъ исполнилъ желаніе старичка, тотъ вынулъ свою бутылку вина, дорожную чарку и передалъ Ваграму, показывая знаками, что необходимо выпить, чтобы согрѣться. Ваграмъ выпилъ, старичокъ тоже какъ будто-бы выпилъ и оба принялись ходить взадъ и впередъ, другъ подлѣ друга. Оба знали, что прилечь и вздремнуть значило-бы замерзнуть и умереть.

— Какое гадкое ваше вино! сплюнулъ Ваграмъ.—Какъ отъ него жжетъ во рту!

Но старичокъ, казалось, не слышалъ.

Снѣгъ быстро, неумолимо засыпалъ выходъ изъ галлерей. На дорогѣ по-

зади и впереди нихъ образовались такія опасности, какихъ они еще не видывали и противъ которыхъ была бы безсильна ихъ борьба. Еще часть и снѣгъ будетъ такъ высокъ, что они уже не выберутся изъ галлерей и будутъ въ ней погребены навсегда. Тогда старичокъ выбрался изъ нея почти ползкомъ. Ваграмъ послѣдовалъ за нимъ, но это уже лѣзь не онъ, а кто-то другой: имъ опять овладѣла та-же болѣзнь, что и въ Базельской гостинницѣ, и сковала все его сознание.

Онъ самъ не зналъ, куда и зачѣмъ выбирался онъ изъ галлерей и что было потомъ. Онъ пришелъ къ сознанию только тогда, когда вдругъ совершенно неожиданно и непонятно увидалъ себя лежавшимъ на снѣгу подъ старичкомъ и почувствовалъ на себѣ его сильныя неумолимыя руки.

— Я обѣщаль довести тебя до цѣли твоего путешествія, сказалъ вдругъ старичокъ,—и вотъ я сдержаль свое слово. Путь твоей жизни оконченъ. Никто не можетъ тебя спасти. Ты спишь стоя, ходя и лежа.

И онъ срываетъ съ себя бороду, волосы и очки, и Ваграмъ видитъ, что это—Крюгеръ, а не старичокъ.

— Вы негодай, говоритъ онъ.— Что вы со мной сдѣлали?

— Ты дуракъ! говоритъ Крюгеръ.—Я опоилъ тебя! Ты вдвойнѣ дуракъ, потому что я уже разъ, по дорогѣ, пробоваль надъ тобою силу этого зелья. Ты трижды дуракъ, потому что я дѣйствительно поддѣлалъ

то письмо отъ Дюфренъ и дѣйствительно замѣнилъ шампанское хлѣбнымъ квасомъ. И вотъ теперь я возму это письмо, это доказательство кражи и поддѣлки,—съ твоего безжизненнаго тѣла.

Ваграмъ хотѣлъ возражать, сопротивляться, но усилія его были тщетны.

— Что я сдѣлалъ вамъ? спросилъ онъ глухо и тяжело,—что я сдѣлалъ вамъ, что вы меня такъ низко, такъ безсовѣстно лишаете жизни?

Крюгеръ не отвѣтилъ ни слова, и молча, вытащивъ ножъ, сталъ распарывать имъ одежду Ваграма на груди, чтобы вытащить оттуда завѣтный бумажникъ.

Ваграмъ собрался съ силами и громко крикнулъ:

— Нѣтъ! Не выдамъ!.. Не отдамъ!.. Идите прочь!

И онъ схватилъ Крюгера за руки и между ними началась борьба.

— Коли такъ, вдругъ воскликнулъ Крюгеръ,—такъ погибай-же ты со всѣмъ!

И, схвативъ Ваграма поперекъ груди, онъ высоко поднялъ его надъ собою и со всего размаха бросилъ его въ пропасть. Ваграмъ хотѣлъ было крикнуть, но не могъ, и ринулся въ бездну, точно призракъ въ страшномъ снѣ.

Буря снова поднялась и снова стихла. Страшные горные голоса замерли и сталъ падать мягкій, тихій снѣгъ...

.....

Ночь.

Изъ монастырскихъ воротъ вышли два монаха и съ ними двѣ большія собаки. Монахи внимательно осмотрѣлись вокругъ, поглядѣли на небо. Собаки катались по снѣгу, набирали его въ ротъ, взрывали его лапами.

Одинъ монахъ сказалъ другому:

— Теперь можно. Мы найдемъ ихъ въ одной изъ пяти часовенъ.

Монахи подвязали себѣ къ спинамъ по корзинкѣ, взяли въ руки по толстой палкѣ, пропустили подъ руки по крѣпкой веревочной петлѣ, такъ что оказались связанными другъ съ другомъ.

Вдругъ собаки перестали играть въ снѣгу. Онѣ посмотрѣли внизъ и вверхъ, подняли носы кверху, опустили ихъ внизъ, завизжали и затѣмъ обѣ громко, разомъ залаяли.

Оба монаха посмотрѣли на собакъ. Обѣ собаки такъ-же внимательно посмотрѣли въ глаза монахамъ.

— Впередъ! На помощь! крикнули имъ оба монаха разомъ. Собаки съ громкимъ лаемъ бросились впередъ.

— Еще два безумца! сказалъ одинъ монахъ, приостанавливаясь и пристально вглядываясь въ даль, освѣщенную луной.—И по такой погодѣ! И одинъ изъ нихъ—дѣвочка-ребенокъ!

И дѣйствительно, за поворотомъ дороги вновь раздался лай и показались собаки, уже возвращавшіяся назадъ. Обѣ онѣ держались за подолъ платя дѣвочки лѣтъ десяти и проворно вели ее за собою. Она поспѣвала за ними, лаская ихъ головы

и ступая по снѣгу твердымъ, почти не дѣтскимъ шагомъ. Далеко не такъ твердо плелся за нею рослый мужчина, безпрестанно спотыкаясь и покачиваясь.

— Милые, дорогіе проводники, добрые друзья странниковъ, говорила дѣвочка монахамъ.—Я землячка ваша. Мы ищемъ двухъ путниковъ, отправившихся черезъ горы, они должны были дойти до монастыря сегодня вечеромъ.

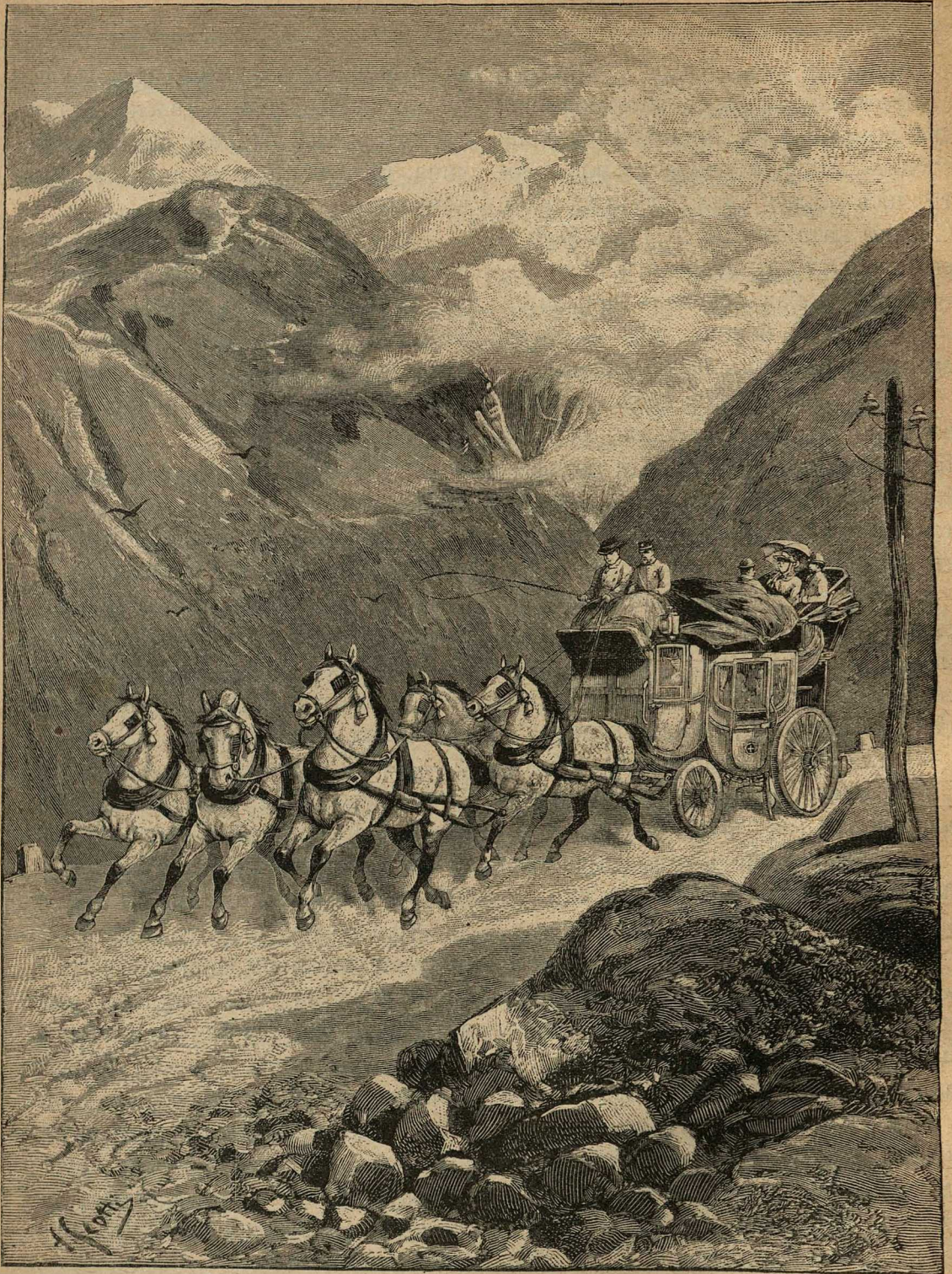
— И дошли, отвѣчали ей монахи.

— Слава Богу! О, слава Богу! Значить, одинъ изъ нихъ живъ!

— Но, къ несчастію, они отправились дальше, отвѣчали монахи.—Мы сами ихъ ищемъ. Переждали метель, отправились—и вотъ ищемъ. Страшная была метель!

— Милые дорогіе проводники, добрые друзья странниковъ! Позвольте и мнѣ пойти съ вами! Позвольте мнѣ пойти съ вами ради самого Бога! Одинъ изъ этихъ путниковъ мой дядя. Больше у меня нѣтъ никого родныхъ на свѣтѣ. Вы видите, я не устала, я не слаба! Я покажу вамъ, какъ я умѣю держаться за ваши веревки. Я буду послушна и смѣла. Только возьмите меня съ собой, возьмите меня съ собой! Если съ нимъ случилось несчастье, то я помогу ему, я его выручу, спасу! Умоляю васъ, добрые друзья странниковъ, возьмите меня съ собою!

Добрыя суровыя сердца монаховъ смягчаются.

Въ Альпійскихъ горахъ.

Живая или неживая?

— Что-же, шепчуть они одинъ другому.— Вѣдь она говоритъ правду. Посмотри, какимъ чудомъ она сюда добралась! Ну, а этотъ господинъ?

— Дорогой Джой, говоритъ Маргарита на англійскомъ языкѣ, — останьтесь здѣсь и подождите меня. Вы останетесь?

Джой Ладль вытираетъ со лба потъ и говоритъ:

— Нѣтъ, барышня, я не оставлю васъ, пока есть во мнѣ хоть капля крови, а когда я не буду въ силахъ сдѣлать ничего больше, то я умру за васъ.

Тѣмъ временемъ собаки обнаруживаютъ сильную тревогу и оба монаха рѣшаются отправляться въ путь. Они разматываютъ на себѣ веревку и привязываютъ къ ней еще Маргариту и Джоя. Она идетъ второю, затѣмъ идетъ монахъ, и позади всѣхъ Джой Ладль.

Черезъ нѣсколько времени они доходятъ до той сводчатой галлерей, гдѣ укрывались отъ бури Ваграмъ и Крюгеръ. Но ихъ здѣсь нѣтъ. Собаки бѣгаютъ взадъ и впередъ, обнюхиваютъ снѣгъ и не теряютъ надежды.

Монахи знаютъ, что направо — большая пропасть, и забираютъ все лѣвѣе и лѣвѣе, чтобы въ нее не упасть. Передовой останавливается, нагибается и разглядываетъ, гдѣ ея край. Одна изъ собакъ тоже останавливается, роетъ лапами снѣгъ, потомъ вдругъ начинаетъ нюхать и фыркать. Подойдя поближе и думая, что можетъ быть собака нашла кого-нибудь, они видятъ на снѣгу чей-то ранецъ. Это ранецъ Крюгера. Онъ оставилъ его.

Другая собака нагибается надъ самымъ краемъ бездны, упирается въ него вытянутыми лапами и вся дрожитъ. Потомъ собака, нашедшая

ранецъ, присоединяется къ ней, и обѣ начинаютъ жалобно выть.

— Внизу есть кто-то! говоритъ Маргарита.

— Внизу есть кто-то! говоритъ и передовой монахъ.—Установитесь вы, задніе, хорошенько, а мы посмотримъ внизъ.

Задній монахъ вытаскиваетъ изъ корзинки два факела и передаетъ ихъ передовому. Передовой беретъ одинъ, Маргарита—другой. Оба они начинаютъ смотрѣть внизъ. Производительный крикъ Маргариты прерываетъ долгое молчаніе.

— Боже мой! говоритъ она.—На выступѣ, гдѣ снѣжная глыба нависла надъ потокомъ, я вижу человека!

— Гдѣ? гдѣ?

— Смотрите вонъ туда! Вонъ тамъ, на глыбѣ снѣга!

Передовой глядитъ, блѣднѣетъ и отшатывается отъ пропасти назадъ. У него кружится голова.

— Дорогіе, милые, добрые друзья путниковъ, говоритъ Маргарита,—посмотрите на меня! Я ваша землячка, я не боюсь спускаться съ горъ!

Она сама себя обвязываетъ веревкой, укрѣпляетъ ее узлами, крѣпко-накрѣпко связываетъ ее съ другой веревкою, дѣлаетъ на ней стремя, ставитъ въ него ногу и пробуетъ его прочность.

— Ее самъ Богъ ведетъ, говорятъ другъ другу монахи.

— Я всѣхъ васъ легче, повторяетъ Маргарита, — дайте мнѣ фляжку съ

водкой и вина и спустите меня внизъ къ дядѣ. Я хочу достать его оттуда живымъ или мертвымъ и я достану его.

Монахи поворачиваются къ Джю Ладлю, но онъ лежитъ отъ страха безъ чувствъ на снѣгу.

Ей подають двѣ фляжки съ водкой и съ виномъ и начинаютъ ее спускать внизъ. Они спускають ее все ниже и ниже, а собаки лають все громче и громче.

Наконецъ изъ бездны, снизу раздается голосъ Маргариты:

— Довольно!

— Онъ-ли это? кричитъ ей монахъ, глядя внизъ.

Раздается отвѣтный крикъ: — Онъ безъ чувствъ, но еще теплый!

— Какъ онъ лежитъ?

Опять снизу крикъ:—На глыбѣ снѣга. Глыба эта опускается подъ нимъ и подо мной. Скорѣе. Иначе мы оба свалимся въ потокъ!

— Каково ему теперь?

Голосъ снизу: Онъ живъ, только лежитъ безъ чувствъ. Снѣгъ быстро таетъ подъ нами и мы опускаемся все ниже и ниже. Не беспокойтесь обо мнѣ: я ничего не боюсь.

Луна заходитъ за горную вершину и пропасть покрывается непроницаемой тьмой.

Сверху крикъ: — Подождите немного, мы распутываемъ веревку! Каково вамъ?

Снизу крикъ: — Мы опускаемся все ниже и ниже.

Сверху крикъ:—Слава Богу, все готово!

Снизу крикъ:—Поскорѣе! Мы уже опускаемся въ потокъ! Глыба снѣга не можетъ насъ выдержать двоихъ!

Огонь отъ факела пылаетъ широко и высоко и освѣщаетъ края бездны. Монахи спускають внизъ веревку для Ваграма, заглядываютъ внизъ, чтобы посмотрѣть, какъ Маргарита привяжетъ къ ней своего дя-дю, но не видятъ ничего.

Голосъ сверху: — Ну, что? Готово?

Голосъ снизу: — Поднимайте! Только тише!

Въ мертвенномъ молчаніи монахи начинаютъ тянуть веревку. Все ближе и ближе, разстояніе все короче и короче—и наконецъ надъ краемъ бездны появляется тѣло Ваграма. Монахи принимаютъ его на руки и кладутъ на носилки. Затѣмъ они опускають другую крѣпкую веревку и когда вытягиваютъ наверхъ и Маргариту, когда она встаетъ на ноги, они начинаютъ плакать и благодарить Бога, они начинаютъ цѣловать ей платье, а собаки увиваются около нея, лижутъ ея оледенѣвшія руки и грѣютъ ихъ своими добрыми теплыми мордами.

Она бросается къ носилкамъ и начинаетъ кричать:

— Дядя! Очнись! Вѣдь ты спасенъ! Теперь не угрожаетъ ничто!

Но Ваграмъ не открываетъ глазъ и монахи начинаютъ его растирать. Его и Джю Ладля.

(Продолженіе слѣдуетъ).

У БАБУШКИ.

(Окончаніе).

Спала Соня долго. Проснувшись, она почувствовала себя нѣсколько утомленной, вѣроятно, отъ долгаго сна; нога у нея дѣйствительно болѣла, но двигалась вполне свободно. Соня могла бы тотчасъ же и встать и начать бѣгать вмѣстѣ со своими пріятелями по парку, но сознаніе, что она больна и что всѣ должны ее жалѣть и при видѣ ея вздыхать, заставило ее лежать въ постели. Такъ она пролежала съ полчаса, поджидая, что къ ней кто-нибудь придетъ, какъ вдругъ услышала за дверью въ корридорѣ чью-то голоса.

— Значитъ, мама, мы богаче, чѣмъ Соня и ея мама? говорила Катя.

— Да, отвѣчала ей Елена Ивановна. — Богатство не въ томъ, чтобы имѣть деньги, а въ томъ, чтобы умѣть все дѣлать самой. Вотъ мы съ твоимъ папой сами зарабатываемъ себѣ хлѣбъ; онъ — лечитъ больныхъ, а я обшиваю всѣхъ васъ. Еще ни одной копейки не потратила на портниху. И если бъ на насъ свалилась вдругъ какая-нибудь бѣда, то мы не пропали бы съ голоду, не потерялись бы, а всегда нашли бы себѣ заработокъ. Такъ мы стараемся воспитать и всѣхъ васъ,

чтобы всѣ вы были работящи, умѣли довольствоваться малымъ и съ терпѣніемъ переносили всѣ болѣзни и невзгоды. Развѣ не стыдъ, что Соня до сихъ поръ не умѣетъ писать и такъ кричала отъ пустяшной въ сущности боли, что подняла на ноги всю усадьбу?.. Развѣ не бѣда въ томъ, что теперь ея мама и она должны остаться безъ куска хлѣба и неспособны его зарабатывать сами?

Сонѣ сдѣлалось стыдно и она опустила глаза и покраснѣла.

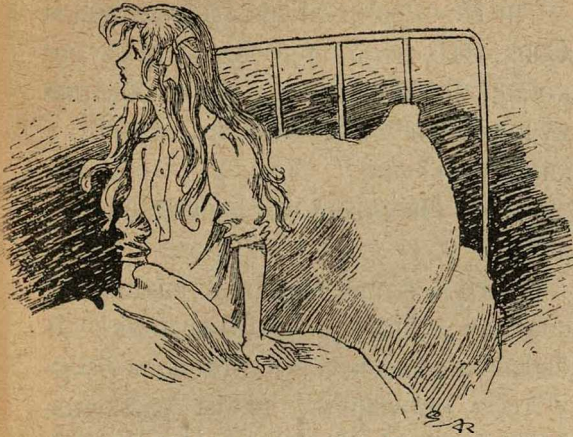
— Бѣдная Соня! продолжала Катя. — Что съ нею будетъ? Она даже и не собирается учиться въ гимназій, а ей уже скоро десять лѣтъ...

Соня испугалась вдругъ этихъ словъ и сердце у нея забилося.

Елена Ивановна и Катя говорили вполголоса, тихонько, но Соня затаила дыханіе и стала слушать, что онѣ будутъ говорить дальше.

— Мама, а что если остаться безъ образованія вовсе? спросила снова Катя.

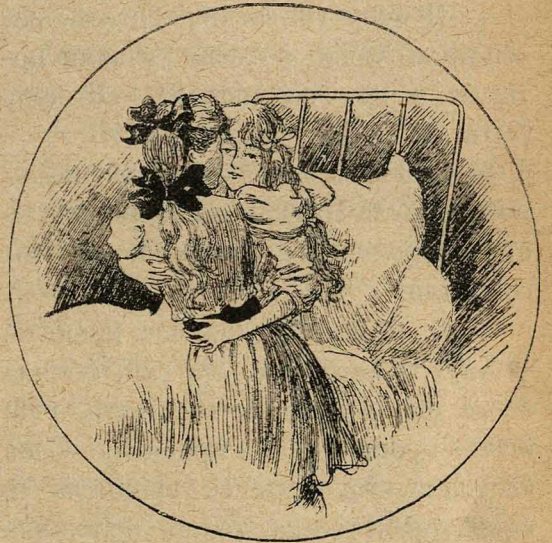
— Это значитъ, отвѣчала ей Елена Ивановна, — что впослѣдствіи ты будешь лишена всякой возможности жить такъ же, какъ ты жила до сихъ

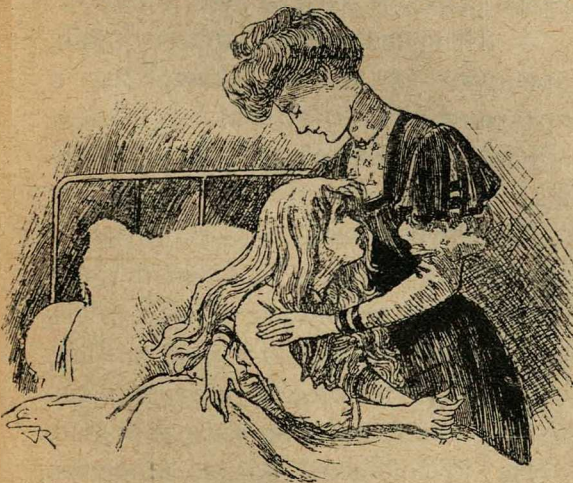
Соня испугалась вдругъ этихъ словъ и сердце у нея забилось.

поръ. Всѣ отъ тебя отвернутся, для всѣхъ ты будешь чужая и никто не будетъ считать тебя своей. И ты не будешь способна ничѣмъ заняться, ничего не сумѣешь довести до конца и не будешь способна встрѣтиться лицомъ къ лицу съ тѣми несчастіями, которыя могутъ свалиться на тебя впереди. Вотъ почему, милая Катя, надо трудиться, работать не покладая рукъ, такъ, чтобы некогда было

подумать о себѣ. И я увѣрена, что ты у меня будешь дѣловая, работающая, будешь учиться сама и учить другихъ... А тѣ, кто не умѣетъ трудиться, — ихъ пѣсня спѣта; стѣить только свалиться на нихъ какому-нибудь несчастію, какъ они ужъ растерялись, не знаютъ, что имъ дѣлать, и носятся со своею бѣдою, какъ послѣдніе нищіе. Нужно быть готовой ко всему.

Катя подскочила къ ней.

Она подошла къ ней и обняла ее.

Соня сидѣла на кровати и старалась не проронить изъ этого разговора ни одного слова. И чѣмъ больше говорили Елена Ивановна и Катя, тѣмъ ея сердце билось все сильнѣе и сильнѣе. Только теперь, въ первый разъ въ жизни, Соня поняла то, чего не понимала до сихъ поръ: что мама ее баловала, но что это баловство было слѣдствіемъ ея нѣжной, искренней привязанности къ ней, боязнь поте-

рять свою горячо-любимую дочь. И какъ Соня злоупотребила этой любовью своей матери, какъ она пользовалась этой ея боязнью!

И Соня закрыла руками лицо и глубоко вздохнула.

А когда въ комнату вошла Елена Ивановна, то Соня плакала. Еленѣ Ивановнѣ стало жаль ее, она подошла къ ней и обняла ее.

— Чего ты? ласково спросила она ее.—О чемъ ты плачешь?

— Я хочу учиться, работать, залепетала Соня и слезы ручьями потекли у нея по щекамъ.—Я хочу быть такою-же, какъ и всѣ.

— Значитъ, ты слышала насъ? воскликнула Катя, вошедшая вмѣстѣ съ матерью.—Ты слышала, что мы говорили?

Соня стала еще больше плакать.

Катя подскочила къ ней, обняла ее за шею, стала ее цѣловать, утѣшать, просить у нея прощенія. Соня не знала, въ чемъ ее прощать, и, обхвативши ее за талию, положила ей голову на плечо.

— А про ногу твою мы и позабыли! воскликнула Елена Ивановна, желая хоть какъ-нибудь успокоить дѣвочку.

Соня высунула больную ногу изъ подъ одѣяла и задрыгала ею въ воздухѣ.

— Вотъ она моя больная нога! сказала она и громко, сквозь слезы засмѣялась.

— А я хотѣла-было уже писать твоей мамѣ въ Петербургъ! продолжала Елена Ивановна.

— Не нужно ей писать! возразила Соня.—Пусть она будетъ тамъ покойна! Я больше не хочу, чтобы она мучилась и страдала изъ-за моихъ капризовъ!

Елена Ивановна поцѣловала ее въ лобъ.

— Ну, вотъ видишь, какая ты славная дѣвочка! сказала она.—Я была увѣрена, что вся эта боль была у тебя напускная, чтобы разжалобить другихъ. Но, во всякомъ случаѣ ты еще полежишь немножко, а Катя сбѣгаетъ за дѣтьми и вы поиграете всѣ вмѣстѣ въ гуська.

Катя нѣсколько помялась.

— Нѣтъ, мама, сказала она.—Соня всегда раздражается во время игры, не любитъ проигрывать и всегда плачетъ, когда выигрываютъ другіе. Это ей можетъ повредить...

Соня покраснѣла, а Елена Ивановна повернула Катю за плечи и направила ее къ двери.

— Иди, иди! сказала она.—Зови сюда всѣхъ и носи игру!

— И принеси мнѣ крутое яйцо, крикнула ей вслѣдъ Соня,—и... и краюшку чернаго хлѣба!

Катя кивнула ей головой и побѣжала во флигель.

Черезъ пять минутъ всѣ дѣти уже играли въ гуська, а Соня за обѣ щеки уплетала яйцо и черный хлѣбъ, проигрывала и весело хохотала. Часъ спустя, они уже весело бѣгали по парку и о больной ногѣ не было и помину.

На другой день, поздно вечеромъ, когда Соня была уже въ постели,

возвратилась изъ Петербурга ея мать. На ней не было лица, она вся какъ-то сразу осунулась и похудѣла. То, о чемъ ее извѣщали телеграммой, оказалось правдой. Банкъ дѣйствительно разорился, прекратилъ платежи и теперь Соня и ея мать не имѣли ничего и, что было хуже всего, не умѣли ничего заработать.

Мать молча подошла къ кроваткѣ дочери и молча поцѣловала ее въ лобъ. Соня вскочила, бросилась къ ней на шею, но взглянувъ на ея лицо и на ея слезы, свѣтившіяся у нея на глазахъ, поняла все, что еще такъ недавно говорили за ея дверью Елена Ивановна и Катя.

— Мама... заговорила она.—Милая, дорогая, мама!.. Успокойся... Не плачь... Съ завтрашняго-же дня я буду учиться, буду работать и буду помогать тебѣ жить.

Анна Ѳедоровна грустно покачала головой.

— Теперь насъ ожидаетъ одинъ только черный хлѣбъ... сказала она.— Мы не имѣемъ больше ничего.

— Черный хлѣбъ? радостно воскликнула Соня.—И ты будешь разрѣшать мнѣ ѣсть черный хлѣбъ? Мама, какъ это хорошо!..

Анна Ѳедоровна поглядѣла на ея веселенькое лицо и покачала головой.

— Дитя... сказала она.—Ребенокъ!.. Какъ все у васъ просто и какъ легко вамъ жить на свѣтѣ!

И онѣ еще долго сидѣли обнявшись, не могли наглядѣться другъ на дружку, вели разговоръ и строили

планы, какъ будутъ жить вдвоемъ и какъ Соня выростетъ большая, будетъ трудиться и содержать свою мать.

А когда Соня заснула наконецъ опять, въ комнату къ Аннѣ Ѳедоровнѣ вошла бабушка Татьяна Максимовна.

Она была взволнована, хмурилась и въ волненіи долго ходила по комнатѣ взадъ и впередъ.

— Ну, и что ты теперь намѣрена дѣлать? спросила она наконецъ.

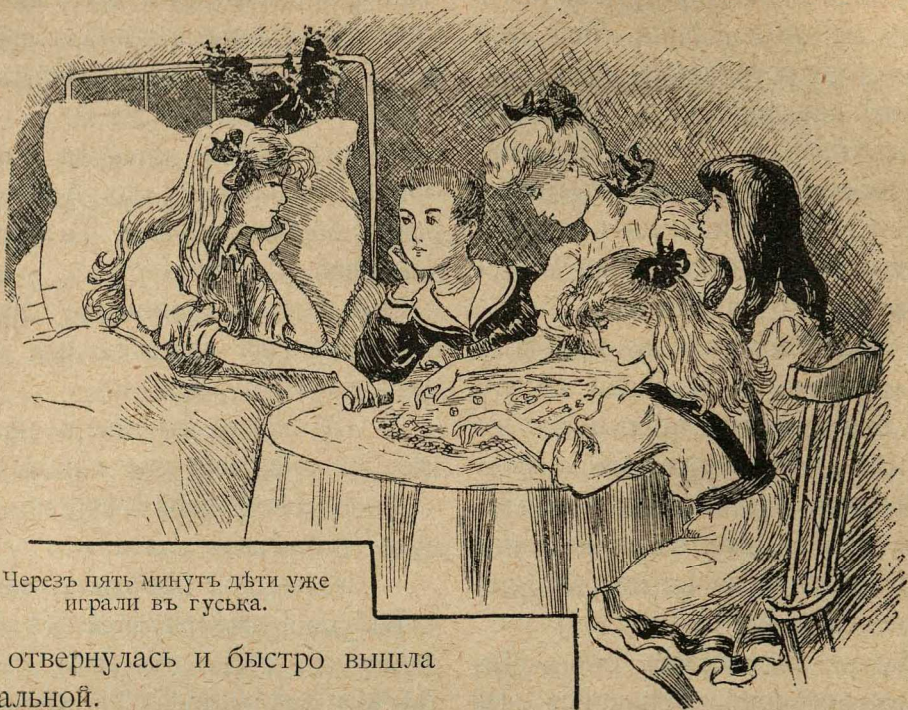
Анна Ѳедоровна глубоко вздохнула и опустила глаза.

— Не знаю... отвѣтила она.

Бабушка повернулась къ окну и долго смотрѣла изъ него въ садъ. Затѣмъ она отошла отъ него и опять взадъ и впередъ заходила по комнатѣ.

— Вотъ что, Анюта... рѣшила она наконецъ.—Мы съ тобою, ты да я, такъ были мило воспитаны нашими родителями, что ровно ничего не умѣемъ дѣлать. Не повторяй-же этой ошибки и постарайся приучить свою дочь къ труду. Я могла-бы оставить васъ обѣихъ здѣсь навсегда, но здѣсь Сонѣ какое ученье? Она будетъ здѣсь такою-же неумѣлой, какъ и я. Поэтому поѣзжайте вы обѣ въ городъ и начните тамъ обѣ учиться. Время еще не ушло. Жизнь еще передъ вами впереди. А пока что,—я буду вамъ помогать и не оставлю васъ безъ денегъ!

Анна Ѳедоровна посмотрѣла на нее благодарными глазами, но ба-

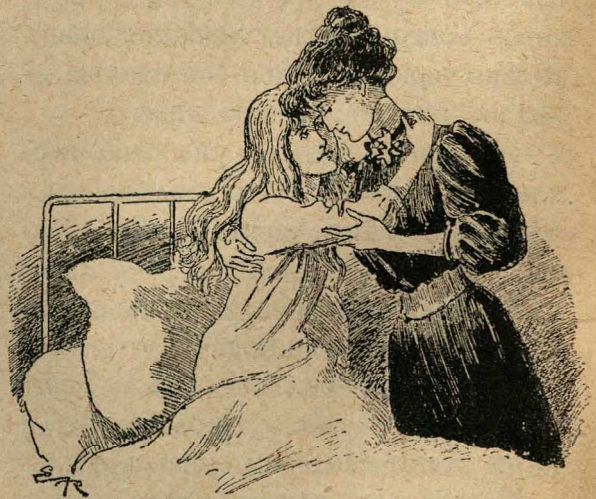
Черезъ пять минутъ дѣти уже играли въ гуська.

бушка отвернулась и быстро вышла изъ спальни.

Наступилъ августъ, пожелтѣли листья на деревьяхъ и цѣлыми днями стали лить дожди. Докторъ Васильевъ уже давно поджидаль семью къ себѣ; онъ писалъ, что Катѣ давно уже пора ходить въ гимназію и что онъ не желаетъ, чтобы она пропускала уроки; что Костѣ тоже пора уже учиться, а малышей можно отдать въ дѣтскій садъ,—и всѣ милые дачники стали понемногу собираться въ городъ. Стали собираться въ Петербургъ и Анна Ѳедоровна съ Соней. Рѣшили выѣхать всѣ вмѣстѣ и назначили для этого опредѣленный день.

Начались хлопоты, сборы въ путь, укладыванье банокъ варенья и маринованныхъ грибковъ и наконецъ бабушкина усадьба опустѣла.

На станціи было трогательное прощаніе у Сони съ дѣтьми, всѣ обѣщались другъ другу писать, и когда подошли два поѣзда и повезли ихъ

— Мама... заговорила она.—Милая, дорогая мама!.. Успокойся!..

На станціи было трогательное прощаніе.

въ разныя стороны—однихъ въ Петербургъ, а другихъ—въ уѣздный городъ, то стало казаться, что кого-то нѣтъ, кого-то жаль, и въ то-же время впереди открывалась новая, заманчивая, трудовая жизнь.

Какъ-то въ глубокую осень раннимъ утромъ знакомый намъ докторъ въ Петербургъ зашелъ къ Аннѣ Ѳедоровнѣ, чтобы провѣдать ее и спросить ее о здоровьѣ Сони. Къ его удивленію Анны Ѳедоровны не было уже дома и его встрѣтила сама Соня, розовая, веселая, здоровая, съ сумкой въ рукахъ.

— А гдѣ же мама? спросилъ ее докторъ.

— Она ушла къ себѣ въ контору,

бойко отвѣтила Соня.—Она тамъ служитъ кассиршей.

— Значитъ, ты дома одна?

— Да, отвѣтила Соня.—Только я да кухарка. А сейчасъ я отправляюсь въ гимназію, уже пора...

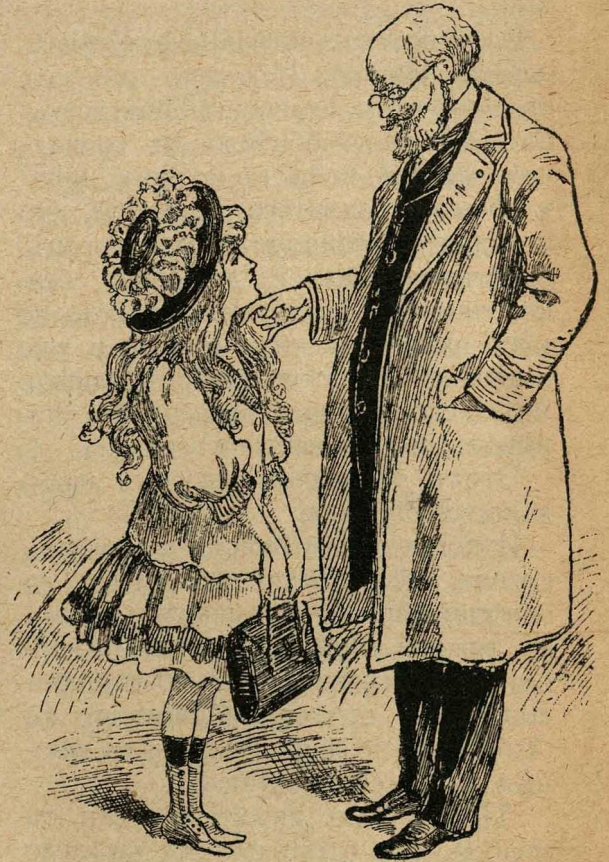
— Въ гимназію?.. удивился докторъ.—А какъ-же твое здоровье?

— Выздоровѣла!.. весело воскликнула Соня.

И, громко, захохотавъ, она побѣжала въ прихожую и стала одѣваться.

Докторъ развелъ руками и въ удивленіи посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

М. П-въ.

— А какъ-же твое здоровье?

ЛАБИРИНТЪ.

У древнихъ грековъ была сказка слѣдующаго содержанія:

Жиль-быль въ древней Греціи царь Эгей. У него былъ сынъ Тезей. Это былъ честный, сильный юноша, который совершалъ различные богатырскіе подвиги на пользу своего отечества, и Эгей не могъ налюбоваться на него.

Однажды между греками и жителями острова Крита произошла война. Эгей потерпѣлъ поражение, долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ и обязался платить критянамъ дань.

Въ то время на островѣ Критѣ былъ царемъ Миносъ. Недалеко отъ его столицы жило чудовище Минотавръ. Это чудовище обитало въ громадномъ дворцѣ, войдя въ который можно было заблудиться. И всякій, кто попадалъ случайно въ этотъ дворецъ, запутывался въ его длинныхъ, безконечныхъ корридорахъ, никогда не могъ найти изъ нихъ выхода и уже оставался въ этомъ дворцѣ навѣки. Здѣсь его находилъ Минотавръ, разрывалъ его на части и съѣдалъ.

Этотъ громадный дворецъ назывался Лабиринтъ.

И когда греки вмѣстѣ со своимъ царемъ Эгеемъ были побѣждены, то критскій царь Миносъ присудилъ ихъ къ тяжкой дани: черезъ каждыя девять лѣтъ греки должны были присылать на съѣденіе Минотавру въ Лабиринтъ по семи прекрасныхъ юношей и по семи дѣвушекъ.

Дѣлать было ничего, и греки съ покорностью отправили эту ужасную дань Минотавру въ первый разъ и

во второй. Едва только дѣвушки и юноши вступали въ Лабиринтъ, какъ они запутывались въ его корридорахъ и попадались въ лапы къ Минотавру.

На третій разъ греки отказались посылать своихъ сыновей и дочерей на островъ Критъ. Имъ было жаль разстаться съ ними и было стыдно, что молодые люди погибали такой безславной смертю.

Тогда критскій царь Миносъ потребовалъ присылки этой дани въ третій разъ.

— Ни за что на свѣтѣ! воскликнулъ царь Эгей.—Пусть лучше я погибну самъ, но не дамъ больше на съѣденіе этому чудовищу моихъ дорогихъ юношей и дѣвицъ!

Но его сынъ Тезей сталъ упрашивать его, чтобы онъ въ послѣдній разъ отправилъ дань на островъ Критъ и въ число юношей, обреченныхъ на съѣденіе Минотавру, включилъ и его.

— Но вѣдь ты мой единственный сынъ! отвѣтилъ ему Эгей.—Съ кѣмъ я останусь безъ тебя?

Тезей пообѣщалъ ему уничтожить Минотавра и освободить грековъ отъ позорной дани, и отецъ отпустилъ его.

— Я буду ждать твоего возвращенія и дни, и ночи, — сказалъ ему отецъ.—Я буду стоять на берегу на скалѣ и глядѣть, когда на горизонтѣ покажется вашъ корабль. Если ты избѣжишь смерти и уничтожишь Минотавра, то поставь на корабль вмѣсто чернаго паруса бѣлый, и я буду знать, что ты живъ.

Тезей простился со своимъ отцомъ и вмѣстѣ со своими спутниками отправился на островъ Критъ. Они, по обычаю, поставили черный парусъ, въ знакъ траура, и помчались къ Минотаврѣ.

На утро они прибыли къ острову Криту. Вотъ горы, вотъ столица царя Миноса, а вотъ и Лабиринтъ. Здѣсь живетъ ужасный Минотавръ.

Подходятъ солдаты, берутъ юношей и дѣвушекъ съ корабля и ведутъ ихъ къ воротамъ Лабиринта. Они плачутъ и имъ жаль разстаться съ жизнью. Одинъ только Тезей весель и подбодряетъ другихъ.

Навстрѣчу имъ попадается дѣвушка-критянка. Видя печальныхъ юношей и дѣвицъ, она сама печалится и начинаетъ плакать.

— Кто ты?—спрашиваетъ ее Тезей.

— Я—Ариадна,—отвѣчаетъ она.— Я дочь здѣшняго царя Миноса. Мнѣ жаль васъ, и я хотѣла-бы васъ спасти.

Затѣмъ она отводитъ Тезея въ сторону и даѣтъ ему клубочекъ нитокъ.

— Когда войдешь въ Лабиринтъ,—говоритъ она ему,— то все время кати передъ собой этотъ клубокъ. Онъ будетъ разматываться, и когда ты дойдешь до Минотавра и убьешь его, то по этой ниткѣ сможешь найти дорогу обратно и не погибнешь въ Лабиринтѣ.

Тезей поблагодарилъ ее, оставилъ юношей и дѣвицъ у входа и вошелъ въ Лабиринтъ одинъ. При входѣ онъ привязалъ къ порогу конецъ нитки и, двигаясь все впередъ и впередъ, постепенно разматывалъ свой клубокъ.

Такъ онъ добрался до самой середины Лабиринта, сразился съ Минотавромъ и убилъ его. Теперь оставалось только найти дорогу изъ Лабиринта обратно. Но это было уже сдѣлать легко: онъ шелъ по тѣмъ корридорамъ, по которымъ тянулася оставленная имъ по пути нить, и такимъ образомъ выбрался изъ Лабиринта обратно. Его ожидали юноши и дѣвушки съ нетерпѣніемъ и не вѣрили глазамъ своимъ, что видѣли его живымъ и здоровымъ.

Между тѣмъ въ Греціи, въ городѣ Афинахъ, ожидали возвращенія корабля Тезея съ замираніемъ сердца. Тезей обѣщаль отцу, въ случаѣ благопріятнаго исхода своего дѣла, поднятъ на кораблѣ бѣлый парусъ...

Но молодые люди такъ обрадовались своему избавленію отъ смерти, что позабыли это сдѣлать. Такъ парусъ на кораблѣ и остался черный.

Завидѣвъ корабль съ чернымъ парусомъ, царь Эгей понялъ, что погибъ его единственный сынъ, и съ горя бросился со скалы въ море. Тамъ онъ и нашель свой конецъ, отъ того и море это получило названіе Эгейскаго.

Тезей занялъ престолъ своего отца и мудро правилъ своимъ народомъ.

На послѣдней страницѣ этого номера журнала нарисованъ планъ предполагаемаго Лабиринта. Въ самомъ центрѣ его находился Минотавръ. Внизу—обозначень входъ.

Войти въ этотъ входъ и добраться до середины Лабиринта.

Какъ это сдѣлать?

Фоксъ.

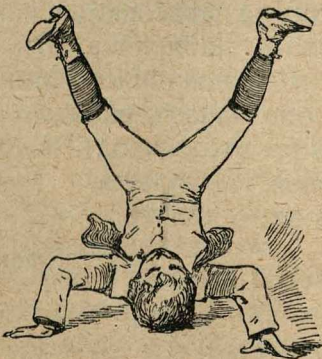
МИЛЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

(Для малышей).

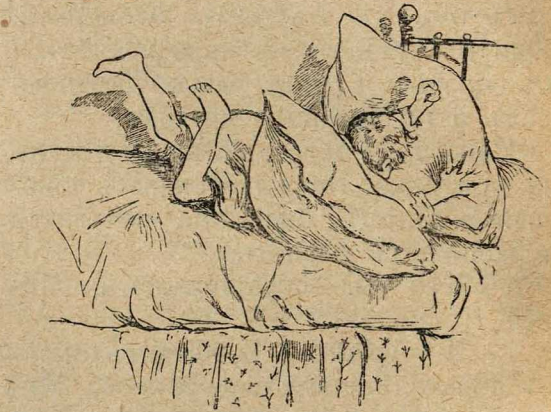
Разкажу я сейчас
Вамъ, ребятки, разкажъ
Про того, кто проказы любилъ,
Кто не разъ и съ метлой
Занимался игрой
И, пугая ей кошекъ, шалилъ.

Его Петей зовутъ, —
Вотъ портретъ его тутъ;
Посмотрите, ну гдѣ-жъ его умъ?
Вонъ, примчался бѣгомъ,
Прыгъ! И сталъ кувиркомъ
И испачкалъ свой свѣтлый костюмъ!

Разсердилась тогда
Его мама — бѣда!
И, раздѣвъ, уложила въ кровать...
Петя выль и рыдалъ,
И подушки кусалъ;
Такъ хотѣлось, бѣднягѣ, играть!

Но лишь мама простить,
Петя въ садъ убѣжить,
Гдѣ качаться, проказникъ, любилъ;
Вмигъ взлетитъ на рукахъ, —
Не знакомъ ему страхъ,
И качаться начнетъ изъ всѣхъ силъ...

Иль, схвативши метлу,
 Что стояла въ углу, —
 Вновь забавы онъ съ ней начиналъ.
 Ахъ, ты, Петръ удалой,
 Какъ играешь съ метлой!
 Ну, откуда ты это узналъ?

Но однажды и съ нимъ,
 Съ шалунишкой моимъ,
 Вышелъ грустный, ужасный скандалъ;
 На перилахъ верхомъ
 Онъ катался тайкомъ,
 Да, вдругъ—бацъ! И на кошку упалъ.

Посмотрите-жъ теперь,
 Что надѣлалъ злой звѣрь, —
 Какъ онъ Петькѣ лицо истерзали!
 Стали доктора звать, —
 Чтобы кровь хоть унять —
 Докторъ пластыремъ кровь удержалъ.
 Смотритъ няня съ тоской,
 Тихо шепчетъ: — «Ой, ой!»
 «Боже мой, вотъ убійственный видъ!»
 Петъ-жъ стыдно и такъ, —
 Покраснѣлъ словно ракъ, —
 Отвернулся скорѣй и молчитъ...

Л. Кирилловъ.

ШАРАДА.

Мой первый слогъ вы назовете большимъ кускомъ, второй-же слогъ бываетъ тогда, когда становится жарко. А цѣлое мое—кушанье; когда его ѣшь, то бываетъ сладко.

(Предложила Шета Мякишева).

ГОЛОВОЛОМКА № 1.

Отъ каждой изъ слѣдующихъ фразъ взять по одному только слову и составить изъ нихъ первыя двѣ строки извѣстнаго стихотворенія:

1) Ударили въ вѣчевой колоколь, и вздрогнули сердца горожанъ.

2) Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ рассказать, что солнце встало.

3) Мы покончили со своей работою и спѣшили въ церковь, боясь опоздать къ вечернѣ.

4) Несмотря на всѣ мученія, которымъ язычники подвергали первыхъ христіанъ, они не отреклись отъ своей вѣры.

5) Весеннее солнышко зоветъ и манитъ на воздухъ, на просторъ.

6) Не сегодня, завтра я долженъ получить письмо отъ брата, который живетъ въ Петербургѣ.

7) Есть люди, которые воскресенье и другіе праздники проводятъ скромно въ своей семьѣ.

8) Сладокъ отдыхъ тому, кто любить трудиться.

9) Послѣ третьяго звонка поѣздъ отошелъ отъ станціи.

10) По окончаніи полевыхъ работъ сельская молодежь охотно веселится.

(Предложила Льдинка).

ГОЛОВОЛОМКА № 2.

Названія какихъ птицъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Мы проходили лугомъ и видѣли, какъ на лугу сидѣли крестьянскія дѣвушки и плели еѣнки.

2) У учениковъ шелъ разговоръ о наступающихъ каникулахъ.

3) Дѣти позвали кота и стали кормить его молокомъ изъ блюда.

4) Весь вечеръ мы сидѣли у печи, жались отъ холода и никакъ не могли согрѣться.

5) Примѣчай, какой дорогой мы идемъ, чтобы не заблудиться.

6) Подборъ елочныхъ украшеній въ магазинѣ былъ лучше, чѣмъ въ прошломъ году.

7) Всѣ заинтересовались его разговоромъ.

(Предложила Льдинка).

ШАРАДА-ШУТКА.

Изъ какихъ двухъ животныхъ состоитъ тотъ ядъ, которымъ истребляютъ первое изъ нихъ?

(Предложила Наташа Бѣлоножкина).

Рѣшенія ариѳмографовъ, головоломкѣ и проч., помѣщенныхъ въ № 5 „Золотого Дѣтства“.

АРИѲМОГРАФЪ № 1.

Каска, дерево, дрова, воронъ, Лондонъ, вакса, ледаколь, корова, водонось, воскъ, овесъ. Задуманное слово—Александровъ.

АРИӨМОГРАФЪ № 2.

Пика, рапира, Карпъ, Раиса, паркъ, рись, Киръ, Кипръ, Ирисъ. Задуманное слово—Кипарись.

ШАРАДА-ШУТКА.

Конь + якъ = коньякъ.

ГОЛОВОЛОМКА № 1.

Василекъ, ромашка, настурція, тыква, горохъ, рѣпка, капуста, салатъ, рябина, абрикось, персикъ, малина.

ГОЛОВОЛОМКА № 2.

Смородина, носорогъ, мартышка, осетрина, колбаса.

Вѣрные рѣшенія прислали: Рузя Спасовская—Спб., Нина Бриксъ—Спб., Наташа Бѣлоножкина—Спб., Ипполитъ и Михаилъ Сегень—Спб., Владиміръ Пуцилло—Спб., Н. Б. Жданъ-Пушкинъ изъ Пскова, Евгенія Розенштейнъ изъ Кіева, Аня Лажечникова изъ Москвы, Арнольдъ Минковскій изъ Сосновицъ, Муся Сѣдлецкая изъ Холма, Клавушка Писаревская изъ Непедовки (Казатинъ), Ната Дитяткина—Спб., Жоржъ Межакъ изъ Крейцбурга, Лидочка Ландманъ изъ Архангельска, Вѣра Петрова изъ Липецка, Таня Горькая изъ Харькова, Николай Скомпскій изъ Варшавы, Надя Слободзинская изъ Николаева, Любочка Слободзинская, Миша Березовскій изъ Бѣлоострова, Маруся изъ Мѣны, Коля Мышенковъ, Таня Слюжинская изъ Луги, Леонидъ Краутъ изъ Керчи, В. и Л. Милоченко изъ Сорочинца, Зина Демьяновичъ изъ Пултуска, Китя Дамаскинская—Спб., Нина Гацкель изъ Гатчины, Алексѣй Оконишниковъ изъ Казани, Витя и Люся Стракановы изъ Ростова-на-Дону, Адя и Толя Зильберкрейнъ изъ Ополя, Jeanne Meunier изъ Нижнеднѣпровска, Тамара Петровская изъ Срѣтенска Забайкальск. обл., Ludie Smirnoff изъ Парижа (Франція), Eugénie Berg изъ Fitznau близъ Люцерна (Швейцарія), Андруша Федотовъ—донской казачокъ изъ Новочеркаска, Гали Иноземцева изъ Николаевска, Катя Ганкевичъ изъ Липовца (м. Зозовъ), Петруся Ножниковъ изъ Мариуполя, Евва Бабаджанъ, Шета Мякишева изъ Севастополя, Шура Магитъ изъ Ливень.

ПОЧТА «ЗОЛОТОГО ДѢТСТВА».

I.

Милые товарищи по журналу.

Мнѣ девятый годъ. Я живу въ деревнѣ и у меня есть девятнадцать голубей, которыхъ я кормлю, и хорошенькій котеночекъ, котораго я назвала Тоби. На прошлой недѣлѣ былъ день моего рожденія, и папа подарилъ мнѣ маленькую лошадку изъ породы пони, и я теперь на ней катаюсь верхомъ. Мы назвали эту лошадку Дэзи. Каждый день я кормила ее изъ рукъ хлѣбомъ, посыпаннымъ солью, и теперь она ходитъ за мной сама. Какъ только я выйду на дворъ, такъ Дэзи и бѣжитъ ко мнѣ. Въ это время изъ голубятни вылетаютъ всѣ 19 бѣлыхъ голубей и садятся мнѣ на голову и плечи. А сзади бѣжитъ съ голубымъ бантикомъ котенокъ Тоби. Папа все шутитъ надо мной и прозвалъ меня укротельницей звѣрей.

У кого еще есть ручныя животныя?

Маруся Григорьева.

II.

Милый Донской казачокъ!

Охотно отвѣчаю на Ваше письмо. Я живу на границѣ трехъ имперій: Россіи, Германіи и Австро-Венгрии. Изъ разсказовъ «Золотого Дѣтства» мнѣ больше всего нравятся: «Барри» и «Подкидышъ». Я съ удовольствіемъ читаю описанія животныя; шарады, ребусы, головоломки я часто разрѣшаю. Изъ русскихъ учебныхъ заведеній у насъ есть только реальное училище, куда я и думаю поступить въ августѣ.

Вашъ товарищъ по журналу

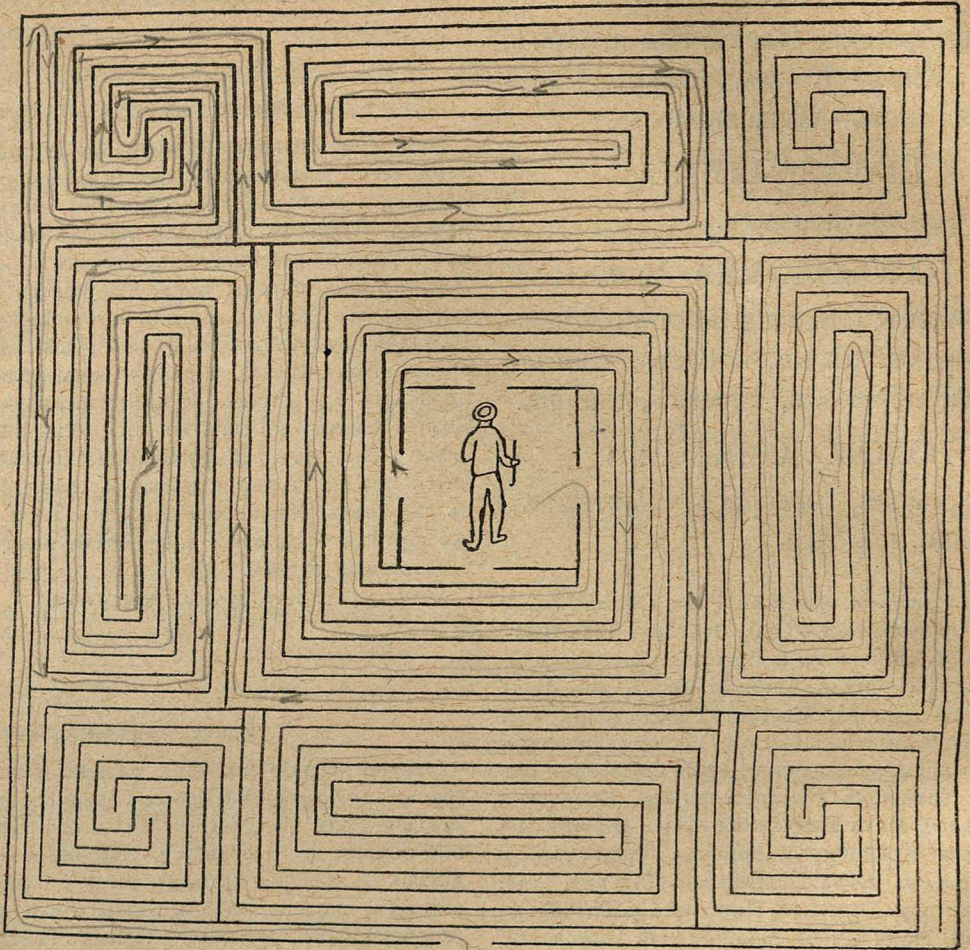
Арнольдъ Минковскій.

III.

Милые подруги и товарищи по журналу!

Я сочувствую Донскому казачку въ его желаніи писать письма въ журналъ. Я живу въ г. Николаевскѣ, Самарской губ., на рѣкѣ Иргизѣ, притокѣ Волги. Около города есть татарская слобода, въ которой находятся двѣ мечети, и по утрамъ иногда бываетъ слышно, какъ кричитъ мулла, созывая правовѣрныхъ на молитву. Нашъ городъ очень маленький, въ немъ всего пять церквей, изъ которыхъ три старообрядческихъ разныхъ толковъ и два православныхъ собора; за то въ окрестностяхъ Николаевска находятся

(Къ стр. 26).

Лабиринтъ.

три монастыря. Въ одномъ изъ нихъ Пугачевъ получилъ благословеніе на походы въ Москву.

Гали Иноземцева 13 лѣтъ.

IV.

Дорогой товарищъ Козачокъ!

Мнѣ тоже очень нравится переписываться съ товарищами, но я не умѣла начать, очень рада, что вы это придумали. Я съ удовольствіемъ читаю «Золотое Дѣтство», и тоже очень люблю шарady и ребусы; сначала мнѣ помогала ихъ рѣшать тетя, а теперь я научилась сама, и послѣдній ребусъ и все остальное я рѣшила вполнѣ самостоятельно.

Евва Бабалжанъ.

V.

Милые товарищи по журналу.

Отвѣчаю на письмо Донскаго козачка. Я живу въ городѣ Мариуполѣ. Меня мама на будущій годъ отвезетъ въ Москву учиться въ Лазаревскій институтъ. Я тоже люблю ѣздить по желѣзной дорогѣ. И въ прошломъ году лѣтомъ ѣздила на Кавказъ. Жила въ Желѣзноводскѣ. И мнѣ понравилось. Была въ Ростовѣ-на-Дону; ѣздила по рѣкѣ Кубани. Изъ «Золотого Дѣтства» мнѣ нравится рассказъ «Чужое имя». Я люблю представляться клоунами, читать и сочинять рассказы. Я часто сочиняю рассказы.

Петруся Ножниковъ.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЬ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- 1) Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія.
- 2) Путешествія.
- 3) Біографіи знаменитыхъ людей.
- 4) Статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насекомыхъ и растений.
- 5) Рассказы изъ жизни племенъ и народовъ.
- 6) Рассказы изъ жизни святыхъ.
- 7) Статьи по хозяйству и домоводству.
- 8) Игры и занятія.
- 9) Ноты для пѣнія и игры на фортепіано.
- 10) Каррикатуры и смѣшныя исторіи въ картинкахъ.
- 11) Загадки, ребусы, шарады.
- 12) Романы, повѣсти и рассказы изъ Русской исторіи.
- 13) 12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома безъ помощи портнихи.
- 14) Картонажи для склеиванія и другія приложенія.
- 15) Смѣсь: различные рецепты, анекдоты, шутки и проч.
- 16) Почтовый ящикъ для переписки съ подписчиками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.,
на полгода — 2 рубля.

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3, и въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40), Т-ва М. О. Вольфъ (Гостинный Дворъ и Невскій) и Н. П. Карбасникова (Гостинный Дворъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

За перемѣну адреса — 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.